Исторические Силуэты

ДИКТАТОРЫ И БОГИ

В. ШЕВЕЛЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каким образом удалось Мао Цзэдуну превратить сотни миллионов китайцев в бессловесных рабов, загипнотизированных его `божественной аурой`? Диктатор второй половины XX века, ставший божеством для своих подданных – Мао Цзедун. В книге рассматриваются скрытые пружины деятельности этого диктатора, методы, которыми он реализовывал свою политику.

- МАО ЦЗЭДУН – ВЕЛИКИЙ КОРМЧИЙ
  -
  - 1. Становление
  - 2. Председатель Мао
  - 3. “Большой скачок”
  - 4. Смута
  - 5. Десять тысяч лет жизни Председателю Мао!
  - 6. “Изгнание духов”
- notes
  -

МАО ЦЗЭДУН – ВЕЛИКИЙ КОРМЧИЙ
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ШЕВЕЛЕВ

Высокий и тучный для китайца, Мао устремлял на посетителя свой взор с улыбкой проницательной и в то же время насмешливой, словно предупреждал его всем своим видом, что бессмысленно пытаться обманывать этого знатока человеческих слабостей и двуличия. Я никогда не встречал никого – за исключением разве что Шарля де Голля, – кто бы воплощал такую силу воли… Он словно излучал непреодолимую тягу властвовать.

Генри Киссинджер

Политика – это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи.

Никита Хрущев

Мао умирал.

Возле него постоянно находились три врача и восемь медсестер. Двое кардиологов следили за его кардиограммой. Ли Чжисуй, личный врач, поселился в своем кабинете, рядом с палатой, где лежал умирающий. Преемник Председателя Хуа Гофэн постоянно интересовался состоянием здоровья Мао Цзэдуна.

Мао сознавал, что смерть близка. Но страха в душе не было. Наверное, 83 года – это тот срок, когда уже пора уходить. Он устал. Освобожденный от повседневной суеты своим окружением, умирающий вспоминал прошлое. Все чаще снилось почему-то детство. Суровый отец, который запомнился совсем плохо. Тихая и добрая мать, ведущая совсем неприметную жизнь, полностью поглощенная заботами о доме.

Велик народ, имеющий такого вождя. Сознание, что простой сельский мальчишка сумел подняться до правителя самого

большого государства мира, радовало его даже сейчас, на пороге “ухода к Марксу”, как он сам любил говорить. В юности Мао мечтал о том, чтобы сделать Китай великим. И он гордился тем, что это ему удалось. С Китаем сейчас считаются во всем мире. У нас есть ядерное оружие. Мы запускаем ракеты и спутники.

Уже ушли в небытие Чжоу Эньлай и верный Кан Шэн. Жена Председателя Цзян Цин особенно радовалась смерти премьера. Глупая женщина, она собирается сменить Мао на троне правителя. Председателя знает весь мир. А кто знал бы Цзян Цин, не будь она его женой.

Да, он сумел создать великий и могучий Китай. Только он сам знает, сколько сил и времени это отняло. “Большой скачок”! Как хорошо все было задумано, какие были вначале успехи! Но все загубили недотепы и откровенные враги на местах. А “культурная революция”! Надо было наконец покончить с безраздельным всевластием на местах и в центре партийных бонз. Они оторвались от народа, жили в роскоши и совсем не собирались брать пример с него. Он покончил с этим.

Хуа Гофэн, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь – вот теперешнее его окружение. Но им он тоже не верит. Смогут ли они сберечь то, что он построил? Не вцепятся ли друг другу в глотки после того, как его не будет?

В полусне-полудремоте перед ним встают смутные видения, тени прошлого, какие-то неясные силуэты. Кто это, мертвецы? Миллионы тех, кто ушел в мир иной за годы его правления? Мао знал, что на Западе многие обвиняют его в этих смертях. Глупцы! Такую великую революцию невозможно сделать “в перчатках”, кровь здесь неизбежна. Ругали его и за то, что в Китае нет демократии. Не правда, он все стремился сделать, чтобы страна шла по пути демократии. После VIII съезда партии он много говорил о том, что в Китае надо создать такую политическую обстановку, которой были бы присущи и централизм, и демократия, и дисциплина, и свобода. Но не все удалось, потому что вокруг было много скрытых врагов. Даже Пэн Дэхуай и Линь Бяо переметнулись в стан противников партии и социализма. Такое прощать было нельзя!

Да, не все удалось. Когда-то он сказал: “Только когда мы перегоним Америку, я предстану перед Марксом”. Не получилось. Плохо работали, недостаточно! Плохо боролись с контрреволюционерами. И времени история отпустила ему мало, очень мало. Недаром он всегда спешил, всегда подгонял ее. И все же коммунизм будет в Китае, он в этом уверен, а иначе зачем все эти усилия, бессонные ночи, вся эта бесконечная борьба с врагами и многочисленные жертвы.

1. Становление

Мао Цзэдун родился 26 декабря 1893 года в деревне Шаошань провинции Хунань, расположенной на юге страны. По китайскому календарю это 19 день 11 луны 19 года императорского правления под девизом Гуансюй.

На рубеже XIX – XX веков громадный Китай переживал смутные времена. Правда, китайцам к этому было не привыкать; недаром здесь родилось весьма своеобразное проклятие: “чтобы тебе жить в эпоху перемен!” Издавна жители свою страну называли “Чжунго” (Срединное царство). В Европе Китай называли Шин (Синь, Сина, Чайна) – по имени династии Цинь (III век до н.э.). А в России прижилось слово Китай – от названия кочевого монголо-язычного племени киданей.

История Китая – это десятки и десятки императорских династий. Но, наверное, все китайцы выделяют в долгой и загадочной истории своей страны главное: основателя державы Цинь Шихуанди, который объединил страну, написал законы и начал строительство Великой китайской стены; династию Хань, управлявшую так хорошо, что китайцы до сих пор называют себя ханьцами. Но когда родился Мао Цзэдун, Китаем с 1644 года правила династия иноземных поработителей – маньчжурский дом Цин. Власть их будет свергнута только в 1911 году.

В древности китайцы представляли собой один из самых образованных и культурных народов. Они были отличными хлебопашцами, сажали тутовые деревья и выделывали шелк, были умелыми ремесленниками. Но, достигнув определенной ступени развития, они как бы остановились на ней. Однозначность знания, догматический характер строго фиксированных истин, социальных и этических норм, накладываясь на малую мобильность жизненного уклада, способствовали формирование консерватизма и традиционализма. Огромная страна, скованная вековыми ритуалами и обрядами, установками и ценностями конфуцианства, погруженная в мир традиций, являла собой некую застывшую общность, выявлявшую слабые потенции к развитию.

Но вернемся к нашему герою. Восьми лет мальчик пошел учиться в деревенскую школу. Вскоре он пристрастился к чтению. Его любимыми героями были древний император Цинь Шихуанди, разбойники из романа “Речные заводи”, государственные деятели и военачальники эпохи Хань в романе “Троецарствие”, позднее – многие деятели мировой истории – Наполеон, Петр Великий и другие.

В 17 лет Мао поступает в школу в Дуншане. Учителя отмечали его способности, знание китайских классиков, канонических конфуцианских книг. Китайский писатель Эми Сяо позднее вспоминал, что после того, как Мао прочитал биографии великих людей, он сказал:

– И Китай должен бы иметь таких людей. Нужно, чтобы страна была богатая и чтобы у нее была сильная армия. Только тогда с нами не повторится то, что случилось с Индокитаем, Кореей, Формозой.

Мао было 18 лет, когда пала династия Цин. Большую роль в подготовке Синьхайской революции сыграл “Тунмынхой” (“Объединенный союз”), созданный Сунь Ятсеном в 1905 году. В основу его деятельности были положены три принципа: национализм (свержение маньчжурской династии Цин), народовластие (учреждение республики) и народное благоденствие (уравнение прав на землю). В августе 1912 года была создана Национальная партия – Гоминьдан, и “Тунмынхой” вошел в ее состав.

В 1913 году двадцатилетний Мао переезжает в город Чанша – столицу провинции Хунань и поступает учиться в педагогическое училище. Именно здесь он впервые услышал о Сунь Ятсене и программе союза “Тунмынхой”. Позднее Мао Цзэдун скажет, что именно тогда его “политические идеи начали принимать отчетливую форму”. В апреле 1917 года он опубликовал свою первую статью в журнале “Новая молодежь”, главным редактором которого был Чэнь Дусю, будущий генеральный секретарь Коммунистической партии Китая. В этой статье Мао на первое место ставил проблему возрождения национального величия Китая.

Мао много читает и упорно учится. Китайский историк Чжан Вэньсян свидетельствует, что в молодости Мао усвоил ценности как китайской феодальной культуры, так и культуры западной. Формированию его мировоззрения способствовали идеи Конфуция, Как Ювэя, Лян Цичао, Сунь Ятсена, Толстого, Кропоткина, а также философов-неокантианцев и неогегельянцев. Переехав в 1918 году в Пекин, Мао поступает на работу в библиотеку Пекинского университета, которой заведовал Ли Дачжао, один из создателей Коммунистической партии Китая в 1921 году. Вскоре он начинает участвовать в работе марксистского кружка, созданного в 1919 году Ли Дачжао. Позднее Мао возвращается в Чанша и становится в 1920 году директором начальной школы. Тогда же он женится на Ян Кайхуэй – дочери своего недавнего учителя, профессора Ян Чанцзи.

Летом 1921 рода в городе Шанхае состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Китая. На нем присутствовали 13 человек, представлявших шесть коммунистических кружков. Мао Цзэдун на съезде представлял хунаньскую организацию. Так начиналось становление Коммунистической партии Китая и ее будущего вождя.

Первым шагом в партийной карьере Мао Цзэдуна стало избрание его членом ЦК в 1923 году на III съезде партии. Он становится заметной фигурой и после установления сотрудничества между компартией с гоминьданом избирается также кандидатом в члены исполкома этой партии. В середине 20-х годов Мао Цзэдун приобретает также известность как теоретик коммунистической партии. Главная его заслуга заключается в том, что он сумел приспособить систему понятий марксизма к китайскому образу мышления, передать философию марксизма в духе китайской культурной традиции.

После того, как Чан Кайши разорвал союз с коммунистами в 1927 году, в стране началась гражданская война. Коммунистическая партия берет курс на вооруженную борьбу с “контрреволюционным” гоминьданом. На чрезвычайном совещании ЦК КПК в августе того же года Мао Цзэдун выдвинул идею о том, что политическая власть должна быть захвачена с помощью “революционных вооруженных сил”. Тогда же он был избран кандидатом в члены политбюро. Осенью начинается волна вооруженных выступлений против гоминдановского режима Чан Кайши. Мао руководил восстанием в родной провинции Хунань. Как и все другие, это восстание было также подавлено. Мао и остатки мятежников бежали в горы, где хозяйничали две банды, главари которых примкнули к Мао и стали “командирами полков” в Красной армии, которой командовал сам Мао.

В апреле 1928 года партизаны маоцзэдуновской “армии” соединились с отрядом другого коммуниста, Чжу Дэ и был сформирован 4-й корпус Красной армии. Когда летом того же года состоялся VI съезд КПК, то он выдвинул перед коммунистами три задачи – проведение аграрной революции, формирование Красной армии и создание революционных баз. Именно этой работой и занимался Мао Цзэдун, как и другие коммунисты – Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Линь Бяо.

Успехи коммунистических повстанцев во многом объяснялись проведением разумной аграрной политики в освобожденных районах. Большую роль играло и то, что в отрядах Красной армии соблюдалась строгая дисциплина, не допускались привычные поборы с населения. Обязанности военнослужащего содержались в “трех основных положениях и восьми пунктах” – солдаты

заучивали их наизусть и даже пели. Быстрое выполнение приказов; никаких реквизиций у беднейшего крестьянства; имущество, изъятое у помещиков, поставляется непосредственно правительству – вот три основных положения.

Авторитет Мао Цзэдуна рос, но одновременно с этим обострялась борьба между ним и высшим руководством партии – Ли Лисянем, затем – Ван Мином. Впрочем, постоянные склоки, взаимные обвинения, фракционная борьба – это все было присуще китайской компартии, как и другим партиям "нового типа". Мао раньше других сумел понять, что необходимо иметь свою группировку в ЦК партии, и сделал все, чтобы решить эту задачу.

Выступая на VI съезде КПК, Чжоу Эньлай говорил, что руководящие партийные работники устраивают склоки, в основе которых – личные интересы, а не политические вопросы. В партии нет демократии, партийные комитеты не избираются. Другие делегаты говорили, что в партии действует принцип: "Если кто со мной согласен, тот может жить, а кто со мной не согласен, тот должен умереть". Один из делегатов так оценивал ситуацию: "Фракции возникают не из-за разногласий, а происходит привычная интеллигентская склока за первенство. Стремление быть вождем – это сидит у многих членов партии".

К этому времени относятся многие жесткие оценки личности и поведения Мао Цзэдуна. Пэн Дэхуай: "Методы Мао очень жестоки. Если вы не подчинились ему, то он непременно изыщет способ, чтобы подчинить вас. Мао чрезмерно подчеркивает роль люмпенов, считая их авангардом революции". Се Линсяо: "За глаза Мао Цзэдун называл Чжоу Эньлая "красным верховным владыкой" и "бюрократом". В душе он мечтал повергнуть Чжоу Эньлая, а в открытую делал вид, что желает видеть того генеральным секретарем партии. Но очень хитрый и коварный Чжоу Эньлай отвечал на это только улыбкой".

В эти годы политическую карьеру Мао отмечали взлеты и падения, дело доходило даже до исключения его из руководящего состава. Апогеем его борьбы за власть становится совещание в городе Цзуньи в январе 1935 года. То было очень трудное для китайских коммунистов время. В боях с правительственными войсками Красная армия терпела одно поражение за другим. В октябре 1934 года начинается "Великий поход", когда около 100 тысяч человек под руководством Чжу Дэ и Чжоу Эньлая начали прорыв из окружения. Это было отступление с жестокими арьергардными боями, в ходе которого погибло до 60 процентов отступающих армий.

Именно в ходе этого тяжелейшего отступления состоялось расширенное совещание ЦК КПК в Цзуньи. Темой его было

определение причин неудач партии и Красной армии в противостоянии Чан Кайши, глубинной сутью – борьба за контроль над армией и партией. Генеральный секретарь партии Бо Гу и Чжоу Эньлай отмечали, что политическое и военное руководство, несмотря на отдельные ошибки, в основном было верным. Чан Кайши, получая военно-финансовую помощь от империалистов, имел большое превосходство в силах, и партия вынуждена была отступить, чтобы сберечь силы и кадры. Однако Мао Цзэдун резко на это возразил, утверждая, что отступление – это следствие серьезных ошибок руководства. Итогом этого совещания был стремительный рост влияния Мао Цзэдуна в Красной армии. Ему удалось противостоять вызову соперничавших сил. Став членом постоянного комитета политбюро, он укрепил свое влияние и в высшем партийном руководстве.

Однако отступление Красной армии продолжилось. Бойцы постоянно подвергались бомбардировке с воздуха и атакам преследующих их гоминдановских войск. Только осенью 1936 года был завершен “Великий поход” и остатки войск, а также партийное руководство обосновались в Яньани. К этому времени Мао Цзэдун стал уже общепризнанным авторитетом. Известный американский журналист Эдгар Сноу, ставший первым биографом Мао, после первой встречи с ним в 1936 году писал так:

– Я, наконец, встретил “красного” вождя Мао Цзэдуна, с которым Нанкин ведет борьбу вот уже девять лет, председателя правительства “Китайской Народной Советской Республики”. Я мог бы написать о Мао Цзэдуне целую книгу. Я беседовал с ним в течение многих ночей по самым разнообразным вопросам, и я слышал о нем десятки рассказов от солдат и коммунистов.

Да, Мао уже был “вождем”. И уже началось его воспевание, которое сопровождало Председателя всю жизнь. Писатель Эми Сяо восклицал:

"Мао Цзэдуна сейчас знает весь мир. Его врожденный юмор, его открытый, звонкий смех, его гнев, страшный для провинившихся, его отеческая заботливость о человеке, его неиссякаемая энергия, его большевистское упорство и решительность, его блестящие организаторские способности государственного деятеля, перо журналиста и писателя, язык оратора, мозг ученого, талант стратега и тактика создали фигуру, выделяющуюся не только в истории китайской революции, но и в истории революции во всем мире”.

Ли Чжисуй, долгое время бывший личным врачом Мао, вспоминал, как он, еще юноша, увлекся в середине 30-х годов

коммунистическими идеями под влиянием своего брата: “Я слушал старшего брата и все больше начинал верить в возможность возрождения богатого, процветающего и независимого Китая на принципах всеобщего равенства и справедливости. Я с огромным интересом читал книги, которые он привозил мне:

"История первой советской пятилетки”, “Как закалялась сталь” Николая Островского, а также книгу французского писателя Анри Барбюса о выдающейся роли Сталина в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской революции в России. Брат внушал мне, что только коммунистические идеи спасут Китай и что выдающиеся коммунистические вожди Чжу Дэ и Мао Цзэдун приведут страну к экономическому и духовному расцвету. Судьба Китая в их руках. Мы с братом стали называть их Чжу Мао, словно одного человека. С той поры я стал считать Чжу Мао мессией”. Коммунистическая проповедь эгалитаризма и вера в популистские лозунги вождей коммунистической партии удачно сочетались с вождизмом, столь отчетливо присущем восточному традиционному обществу.

Сам Мао тоже стремился насадить среди окружающих образ национального лидера и “государственного мужа”. По свидетельству очевидцев, он мог часами сидеть в кресле, не выражая никаких чувств, представляя собой поглощенного заботами государственного деятеля. Он занят великими делами и ничто суетное его не должно отвлекать. По этому поводу Петр Владимиров, связник Коминтерна и автор широко известной книги “Особый район Китая” замечает: “Я думаю, что в начале своей деятельности Мао Цзэдун сознательно вырабатывал в себе эти качества, они не были его собственным выражением. Однако годы работы над собой сделали их частью его характера. Того характера, который должен представлять в глазах народа подлинно государственного мужа Великой Поднебесной”.

В конце 30-х – начале 40-х годов окончательно оформилась группировка Мао Цзэдуна: Чжоу Эньлай, бывший соперник, ставший союзником; Пэн Дэхуай, талантливый военачальник, впоследствии герой корейской войны; Линь Бяо, “белый лист”, на котором Мао мог писать все, что угодно; Кан Шэн, шеф органов безопасности; Лю Шаоци, будущий глава республики. Мао внимательно следил за взаимоотношениями в группе своих сподвижников.

В апреле – июне 1945 года в Яньани проходила работа VII съезда коммунистической партии. Мао Цзэдун председательствовал на нем и выступил с Отчетом ЦК, который был озаглавлен “О коалиционном правительстве”. С докладом о

новом уставе партии выступил Лю Шаоци, который заявил:

"Идеи Мао Цзэдуна представляют единство марксистской теории с практикой китайской революции, это китайский коммунизм, китайский марксизм. Идеи Мао Цзэдуна – это дальнейшее развитие марксизма в национально-демократической революции в колониальных, полуколониальных и полуфеодальных странах в современную эпоху, это превосходный пример национального марксизма". В итоге в новом уставе было сказано, что " Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна".

На первом пленуме ЦК КПК седьмого созыва Мао Цзэдун был избран председателем ЦК партии. На этом посту он останется вплоть до своей смерти в сентябре 1976 года.

2. Председатель Мао

С 1945 года начинается новый этап в политической и жизненной судьбе Мао Цзэдуна. Наконец-то в его руках вся власть в партии. Это была реальная и мощная сила. В партии – 1 миллион 200 тысяч человек, регулярная армия насчитывает 910 тысяч бойцов, в ополчении – 2 миллиона 200 тысяч. Но партия не являлась правящей. И хотя в освобожденных районах проживало уже около 95 миллионов человек, центральный и южный Китай оставался под властью правительства в Нанкине. И "программа-максимум" коммунистов была совершенно очевидна – сбросить "прогнивший режим" гоминдана и взять власть. "Есть такая партия!" Этот вызов Владимира Ленина всегда стоял перед глазами Мао Цзэдуна.

Между тем вторая мировая война подходила к концу. Летом 1945 года гоминдановцы стремились при помощи американцев захватить большие города и оружие сдающихся японских войск. После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американцами перешли в наступление и коммунисты, стремясь взять под свой контроль как можно больше территории. Вступление в войну Советского Союза и разгром Квантунской армии существенно изменили ситуацию и в Китае. С японской оккупацией практически было покончено. Однако японцам противостояла не объединенная мощь всей нации, а две самостоятельные и враждебные силы, две крайне амбициозные и незаурядные личности – Мао Цзэдун и Чан Кайши. Обе эти силы – и компартия, и гоминдан готовились не столько к решающим боям с японцами, сколько к предстоящей борьбе за власть.

После капитуляции Японии и США, и Советский Союз в равной степени не хотели, чтобы в Китае возобновилась гражданская война. Они стремились сохранить тот крайне хрупкий союз КПК и гоминдана, что сложился в годы войны с японцами. Американцы выступили посредниками на переговорах между Мао и Чан Кайши, хотя даже они не отрицали, что гоминданский режим безнадежно погряз в коррупции, а авторитет его в стране все более падает. Однако переговоры закончились неудачей. Летом 1946 года гражданская война возобновилась.

На начальном этапе боев силы гоминдана как численно, так по вооружению превосходили силы компартии. Достаточно сказать, что Народно-освободительная армия Китая до 1950 года практически не имела авиации, тогда как у Чан Кайши было до 500 самолетов. Это предопределило успехи войск гоминдана. С

июля по октябрь 1946 года они захватили около ста городов. Авиация бомбила столицу освобожденных районов Яньань, которая в марте 1947 рода была захвачена правительственными войсками. Однако это было апогеем военных успехов Чан Кайши. Вскоре инициатива переходит к коммунистам, чьи вооруженные силы начинают пользоваться поддержкой широких масс крестьянства, поверивших в популистские обещания. А лучшее вооружение войск Чан Кайши, включая американские танки, как бы уравновешивалось значительно более высоким моральным духом и "революционным" энтузиазмом бойцов НОАК, более зрелым военным искусством ее военачальников – Пэн Дэхуая, Чжу Дэ, Линь Бяо, Лю Бочэна, Чэнь И, Дэн Сяопина, Хэ Луна и других.

Идеи коммунистов все более широко распространялись в массах. Американский генерал Маршалл по этому поводу высказывался так:

– Одни связались с коммунизмом, будучи возмущены насилием, коррупцией и полицейскими жестокостями гоминдана. Другие – с отчаяния, не видя никакой перспективы. Третьи – принимают новую власть по инерции.

Всю сложность ситуации осознавал и генералиссимус Чан Кайши, наблюдая, как разваливается социальный и политический механизм, создаваемый им в этой громадной стране на протяжении нескольких десятилетий:

– Наша национальная мораль пришла в упадок. Положение в деревне все ухудшается. Спекулянты за одну ночь превращаются в миллиардеров, а бедные умирают от голода прямо на улице.

Что же, уже вскоре оба лидера – и Мао Цзэдун, и Чан Кайши получат возможность строить новое общество практически без каких-либо помех. У Чан Кайши это получится гораздо лучше, недаром и по сей день он почитается на Тайване наряду с Конфуцием и Сунь Ятсеном. Наверное, главная причина последующего расцвета Тайваня – это качественный "человеческий материал".

На материке остались "революционные массы", те, кто поверил в коммунистическую утопию. На Тайвань же переселились предприниматели, часть интеллигенции, политики и государственные служащие – те, кто составил здесь основу среднего класса.

А пока что на материке шли ожесточенные сражения. Весной 1948 года НОАК отбила Яньань, а в ноябре 1948 – январе 1949 в ходе крупнейшей Хуайхэйской битвы гоминдан потерял четверть всех своих вооруженных сил. Как выразился один из военных историков, это было "Ватерлоо Чан Кайши". В конце января 1949 года генерал Фу Цзои без боя сдает северную столицу – Пекин. В

ходе непрерывных наступательных боев войска компартии овладели Нанкином. Власть Чан Кайши пала. Перебравшись на остров Тайвань, он объявил материковый Китай “зоной, охваченной коммунистическим восстанием”.

Так Мао Цзэдун привел партию коммунистов к власти в этой самой большой стране мира. Китайская революция, наряду с русской, явилась одним из величайших событий XX века, а доктрина этой революции – маоизм – стала одним из главных идеологических течений.

"Китайский народ встал на ноги!” – провозгласил Мао Цзэдун. Те, кто стоял рядом с ним на трибуне 1 октября 1949 года, были уверены, что они-то сумеют наконец построить “общество светлого будущего”. Сам Мао оказался на вершине власти в этой громадной, но крайне отсталой стране. Недаром он сразу же заявил о необходимости положить конец нищете и невежеству, построить сильный и процветающий Китай. Мао – председатель КПК. Мао – председатель правительства. В 1954 году он станет председателем Китайской народной Республики. Это звание прочно закрепится в сознании народных масс как некий титул.

А ему уже было 56 лет. Половина жизни – 28 лет – минуло с того времени, как он вступил в ряды партии. Сбылась его заветная мечта – стать правителем Китая. Он оказался в одном ряду с великими историческими деятелями, которыми с детства восхищался и которым стремился подражать. С одним из них он встретился уже в декабре 1949 года. И был разочарован.

Биограф Мао Цзэдуна журналист Эдгар Сноу весной 1949 года опубликовал в шанхайской газете статью “Станет ли Китай русским сателлитом?”, где писал:

"Только одна Китайская компартия во всем мире имеет сегодня в качестве лидера человека, никогда не бывавшего в России. Он является единственным коммунистическим вождем, исключавшимся из партии, причем несколько раз, но остававшимся у власти, несмотря на приказ Коминтерна о его удалении. Мао является единственным коммунистическим лидером, помимо Тито, открыто критиковавшим московских агентов. Личность Мао Цзэдуна отразила внутри партии глубоко китайский склад ума, касается ли это методов или идеологических взглядов. По сути дела, Мао Цзэдун и его последователи доказали совершенно непредвиденную кремлевской иерархией истину, что подобные непролетарские революции могут быть успешными вне зависимости от восстания городского пролетариата, а лишь на базе организованного крестьянства как главной силы.

Действительно, взаимоотношения между Председателем и Москвой всегда складывались не просто. В декабре 1949 рода Мао впервые приехал в СССР. В Москве тогда праздновали 70-летие Сталина. Мао Цзэдун несколько раз встречался со Сталиным, провел серию переговоров. В феврале 1950 года был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Покидая Москву, Мао заявил, что дружба между двумя странами "вечна и нерушима". Однако позже он с горечью вспоминал, что Сталин встретил его как вассала, которого можно заставить ожидать в приемной, и долгое время уклонялся от серьезных переговоров.

Позицию тогдашних московских руководителей отчетливо характеризуют мемуары Никиты Хрущева. Мао Цзэдуна они не считали "подлинным марксистом" и были крайне недовольны тем, что тот не проявил желания стать марионеткой Кремля:

– Сталин всегда относился к Мао Цзэдуну весьма критически. Он придумал для него прозвище, которое точно характеризовало того с чисто марксистской точки зрения. Сталин имел обыкновение говорить, что Мао – это "маргариновый марксист". И все же остается фактом, что Мао, опираясь на крестьян и игнорируя рабочий класс, одержал победу. Конечно, его победа не была чудом, но, несомненно, являлась новым искажением марксистской философии, ибо она была достигнута без пролетариата. Короче говоря, Мао Цзэдун – это мелкий буржуа, чьи интересы чужды – как теперь, так и в прошлом – интересам рабочего класса.

Действительно, революция 1949 года была крестьянский революцией. Мао Цзэдун не раз говорил, что, в отличие от России, в Китае революция пришла в город из деревни. Недаром крестьянский вопрос стал главным в деятельности нового правительства и аграрная реформа началась уже в 1950 году.

Вскоре в Китае начинает оформляться социалистическая модель со всеми присущими ей компонентами:

– мощной бюрократией, стоящей во главе;

– репрессивной системой труда;

– подавлением частной собственности и рынка;

– мощной идеологической машиной. В декабре 1953 рода ЦК партии утвердил программный документ под названием "Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство". Провозглашенный курс на социализм предполагал решение двух задач – осуществление социалистической индустриализации и установление социалистических производственных отношений во всех сферах народного хозяйства.

Однако несмотря на кажущееся единство и единомыслие, в верхушке партийно-государственного руководства продолжалась борьба. Это отчетливо проявилось в ходе работы VIII съезда компартии в сентябре 1956 года. На нем с отчетом ЦК выступил Лю Шаоци, доклад об изменениях в уставе сделал Дэн Сяопин, доклад по второму пятилетнему плану – Чжоу Эньлай. Сам Мао Цзэдун выступил с речью на открытии съезда.

Ход работы съезда и его решения свидетельствовали, что позиции группировки Мао были поколеблены. Из нового устава партии изъяли положение о том, что идейно-теоретической основой партии являются идеи Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин, который вместе с Чжу Дэ представлял КПК на недавнем XX съезде партии советских коммунистов, в своем докладе говорил о необходимости соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы с культом личности. Говоря о руководителях партии. Дэн Сяопин заявил, что они "должны во всем показывать пример, держать теснейшую связь с массами", и что "наша партия отклоняет обожествление личности, которое ей чуждо". Это был завуалированный выпад против Мао и его нараставшего культа личности.

По предложению Мао Цзэдуна на съезде было принято постановление, запрещавшее отмечать юбилеи партийных руководителей и называть в их честь населенные пункты, предприятия и улицы. Таким образом он попытался отвести от себя выпад Дэна. Однако не следует преувеличивать антимаоцзэдунской направленности съезда. И на съезде, и после него продолжали цитировать изречения вождя, а роль Мао в теории и политике продолжала по-прежнему считаться ведущей.

Конечно, 1956 год был для Мао непростым. Неожиданным для него стал доклад Хрущева на XX съезде КПСС с критикой культа личности Сталина. Председатель почти обожествлял роль вождя, считая, что только он сможет возродить и преобразовать Китай. Его самого нередко называли китайским Сталиным. После XX съезда Мао Цзэдун стал относиться к Хрущеву враждебно, считая, что тот нарушил святую заповедь о непоколебимой верности своему вождю, Мао также считал, что речь Хрущева объективно играет на руку "империалистам". Он говорил:

– Хрущев вложил меч в руку врага и поможет тиграм расправиться с нами. Если Советам меч ни к чему, то мы никогда не выпустим его из своих рук и распорядимся им как следует. Пусть в Советском Союзе оскорбляют его вождя, но мы всегда будем чтить его память и считать его мудрейшим из политиков XX века.

Постепенно Китай начинает превращаться в "полигон" для

рискованных экспериментов Мао Цзэдуна. Первым из них стал “большой скачок”.

3. “Большой скачок”

Супруга вождя Цзян Цин однажды сказала его личному врачу:

– Доктор Ли, вы совершенно не знаете председателя. Он очень любвеобилен и не пропускает ни одной юбки. Его мудрый разум никогда не восстанет против плотских утех, а женщин, желающих доказать ему свою преданность, более чем достаточно. Неужели вы этого не знали? “Вскоре я понял, – пишет Ли Чжисуй, – что жена Мао знает своего супруга гораздо лучше меня. Сексуальные аппетиты вождя оказались такими же необузданными, как и он сам”. Мао Цзэдуну в это время было 65 лет.

В своей государственной деятельности Председатель действовал не менее энергично и напористо. Всю свою жизнь верил он в то, что подлинная движущая сила истории – это “героическая решительность” в осуществлении революционного движения. Всю свою политическую и идеологическую деятельность он осознавал как непрерывную революцию, а себя – как революционного преобразователя Китая. Свержение власти Чан Кайши – революция. Аграрная реформа – революция. “Большой скачок” – революция. Мао говорил:

– После завершения переходного периода, после полного уничтожения классов идеологическая борьба и революция будут продолжаться. Переход от социализма к коммунизму является борьбой, революцией. Вступление в коммунизм будет борьбой, революцией.

Он был одержим “революционным нетерпением”, Типичным выражением этого нетерпения и стал “большой скачок”. Мао стремился как можно скорее “проскочить” в коммунизм. Уже в середине 50-х годов он начинает проявлять неудовлетворенность медленными темпами экономического развития. Дело дошло до серьезных разногласий в партийно-государственной верхушке, когда лидеры КПК собрались летом 1955 года на совещание в Бэйдайхэ. Председатель Мао по сути дела выступил против коллективного мнения ЦК и генеральной линии партии, сформулировав особый курс, по которому, как он полагал, должно идти развитие Китая.

Одной из причин, заставивших Мао пойти на это, стало подсознательное стремление избавиться от опеки Кремля. В ноябре 1957 года Мао Цзэдун во второй и последний раз приехал в Москву, где открывалось совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран. На этот раз он показал себя как наставник, стремящийся поучать других, как правильно

осуществлять социалистическую революцию, бороться с империализмом – “бумажным тигром”, которого не следует бояться. А новый лидер советской компартии Никита Хрущев мало интересовал Мао Цзэдуна, который, к тому же, был очень недоволен критикой Сталина на XX съезде.

Вера в коммунистическую догму, жажда величия и экономическая безграмотность привели Мао к наивной мечте в короткий срок превзойти в экономическом и военном отношении ведущие страны мира. Прежде всего его занимала проблема опережения Китаем сроков индустриализации и социалистического строительства в Советском Союзе. Он говорит, что Китай имеет возможность опередить “родину Октября” по срокам строительства социализма, поскольку обладает более чем двадцатилетним опытом революционных войн, располагает многочисленным и трудолюбивым населением, и наконец, получает помощь от СССР. Председатель Мао заявлял:

– Советскому Союзу потребовалось 40 лет, чтобы производить не такое уж значительное количество продовольствия и других товаров. Конечно, хорошо, если наши 8 – 10 лет будут равнозначны их 40 годам. Так оно и должно быть, ибо у нас большое население и совсем другие политические условия, – у нас больше жизни и бодрости, больше ленинизма.

Инициаторы “большого скачка” делали акцент на максимальную мобилизацию гигантских трудовых ресурсов страны. По существу, это была попытка в кратчайшие сроки превратить Китай в мощную державу внеэкономическими методами. Мао Цзэдун все чаще начинает говорить о том, что за 15 лет надо догнать развитые страны по производству стали и чугуна. Недаром важным слагаемым этой авантюры стала “битва за сталь”.

В мае 1958 года по инициативе Мао Цзэдуна 2-я сессия VIII съезда компартии одобрила курс “трех красных знамен”:

– генеральная линия;

– большой скачок;

– народные коммуны.

"Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше, экономичнее”, – так отныне стала звучать новая генеральная линия. Курс на поэтапное построение социализма был отброшен. Лю Шаоци, второй человек в партийно-государственной иерархии, на этой сессии подверг критике скептиков и маловеров, сомневающихся в правильности политики “большого скачка”.

Плановая комиссия пересматривает намеченные цифры производства стали по итогам пятилетки на 1962 год с 10,5

миллионов тонн до 80 миллионов тонн. Предполагалось произвести промышленной продукции в 6,5 раз больше, чем в 1938 году. Началось массовое сооружение базы “малой металлургии” – мелких кустарных доменных печей. “Три года упорного труда – десять тысяч лет счастья”, – вещала пропаганда.

Доктор Ли, сопровождавший Мао Цзэдуна во время поездки в провинцию Аньхой, описывал свои впечатления от самодельных доменных печей, которые они тогда впервые увидели:

– Домна была сложена из кирпича с использованием цементного раствора и имела высоту около пяти метров. Находилась она прямо во дворе здания партийного комитета провинции. Плавка была в полном разгаре, и в раскаленном жерле печи можно было различить хозяйственные поделки из стали – кастрюли, сковородки, дверные ручки и даже лопаты. Цзэн, первый секретарь провинции, горячо доказывал вождю, что из этого лома после переплавки получится отличная сталь. Затем он взял огромные щипцы, поднял с земли пышущий жаром бесформенный кусок металла, только что вынутый из печи, и с гордостью показал Мао. Я так никогда и не узнал, кому принадлежала идея создания самодельных доменных и мартеновских печей. Логика “гениальных” новаторов была проста – зачем тратить огромные средства на строительство современных сталелитейных заводов, если можно, исхитрившись, варить сталь в каждом дворе. Увиденное потрясло меня своей бессмысленностью.

На расширенном заседании политбюро в Бэйдайхэ в августе 1958 года Мао Цзэдун настоял на принятии решения о создании по всей стране народных коммун. В нем утверждалось, что народные коммуны позволят значительно ускорить экономическое развитие страны. По сути дела, вырисовывалась перспектива превращения всего Китая в одну большую военизированную коммуну, где осуществляется система натурального, уравнительного снабжения питанием и одеждой на уровне удовлетворения элементарных потребностей. Мао говорил: “Если сделать безденежным питание, то это приведет к огромным переменам. Примерно в течение десяти лет продукция станет весьма обильной, а мораль – необычайно высокой, и мы сможем осуществить коммунизм, начиная с питания и одежды”.

Народная коммуна рассматривалась как ведущая форма организации производства и населения как в деревне, так и в городе. Уже через полтора месяца после принятия августовского решения в газетах появились сообщения, что практически все крестьянство – более 500 миллионов человек – вступили в коммуны. Начинался очередной социальный эксперимент

Великого кормчего. Мао незадолго до этого писал в журнале "Хунци": "Очевидной особенностью шестисотмиллионного китайского народа, помимо прочих, являются его бедность и то, что он представляет собой чистый лист бумаги. На первый взгляд, это плохо, но на самом деле – хорошо. Бедность заставляет стремиться к переменам, действовать, совершать революцию. На чистом листе бумаги ничего нет и на нем можно писать самые новые, самые красивые слова, рисовать самые новые, самые красивые картины".

Исполнители на местах, истово выполняя указания Великого кормчего, не только осуществили "коммунизацию" села за полтора месяца, но и стали обобществлять личную собственность крестьян, военизировать их труд и быт. В конце 1959 года коммуны стали возникать и в городах. "Весь Пекин охватила паника, – пишет Ли Чжисуй. – По столице поползли слухи, что вождь планирует в скором времени создать народные коммуны в городах. Все со страхом ожидали конфискации личного имущества государством. Столица превратилась в гигантский вещевой рынок. Люди продавали драгоценности, дорогие вещи и старинную мебель в надежде сохранить хоть наличные деньги, когда все их имущество будет передано в собственность коммуны".

Крестьян объединяли в военизированные бригады и направляли то на полевые работы, то на строительство дамб и плотин. Вместо работы на предприятиях люди выплавляли металл в доменных печах, сооруженных прямо во дворах домов. Власти подстегивали народ с помощью идеологической обработки и административного нажима, вынуждая его трудиться на износ ради грядущего "экономического чуда". "За одну ночь можно достичь такого результата, что он превзойдет то, что сделано за тысячелетия, – говорилось в газетах. – Большой скачок открыл новую историческую эпоху, свидетельствующую о том, что Китай обгоняет Советский Союз в переходе к коммунизму". А в это время в СССР Никита Хрущев "догонял и обгонял" Америку.

Вскоре выяснилось, что страна не в состоянии не только повышать производство, но и удержать его на прежнем уровне. В политику "большого скачка" начинают вносить коррективы. Уже в декабре 1958 года на пленуме ЦК партии было заявлено, что переход к коммунизму представляет собой длительный и сложный процесс и перепрыгнуть через этап социализма невозможно. Были осуждены "перегибы" на местах при создании народных коммун.

Весной 1959 года во многих провинциях страны начался голод. По Китаю прокатилась волна крестьянских выступлений. В

апреле того же года на пленуме ЦК КПК вновь рассматривались вопросы “упорядочения” в деятельности народных коммун. Кризис политики “большого скачка и народных коммун” особенно остро проявился летом 1959 года на совещании высших руководящих кадров партии в Лушане. Мао там заявил:

– Я не претендую на авторство идеи создания народных коммун, я только внес предложение о них. Я виновен в двух преступлениях. Я призывал к массовой выплавке 10,7 миллионов тонн стали, и если вы одобряли это, то можете разделить со мной часть вины. Весь мир против опыта народных коммун. Может быть, мы потерпели полное поражение? Нет, мы потерпели только частичное поражение, раздули поветрие коммунизма, что послужило уроком для всей страны.

В центре внимания этого совещания оказался маршал Пэн Дэхуай, бывший в то время министром обороны, который направил Мао письмо, возлагающее ответственность за последствия “большого скачка” на Великого кормчего. Мао расценил это письмо как прямой вызов своему авторитету и всевластию. В ходе ожесточенной внутренней борьбы маршал потерпел поражение и вынужден был уйти в отставку, хотя и остался членом Политбюро КПК. Позднее, в декабре 1966 года он будет арестован хунвэйбинами, а в 1974 – скончается.

Последствия “большого скачка” были исключительно тяжелыми. В течение трех самых трудных лет (1959 – 1961) смертность возросла на много миллионов, а рождаемость резко снизилась. Западные демографы вычислили число потерь в 20 – 30 миллионов человеческих жизней. Ситуацию осложнили стихийные бедствия и ухудшившиеся отношения с Советским Союзом, который отозвал своих специалистов. Катастрофа “большого скачка” нанесла серьезный удар по престижу вождя. Он даже вынужден был поступиться частью власти и ушел с поста Председателя республики. В апреле 1959 года эту должность занял Лю Шаоци.

Новым ударом для Мао стал IX пленум ЦК КПК, принявший курс на урегулирование народного хозяйства. По свидетельству Ли Чжисуя, после него Мао впал в депрессию и вновь стал предаваться любовным утехам. Это было для него чем-то вроде разрядки после политических баталий. Доктор Ли пишет:

"Для молодых женщин, которых Мао выбирал, обслуживать его, угождать любому его желанию было ни с чем не сравнимой честью. Каждый, кто работал для Мао, тщательно изучался, женщины не были исключением. Осторожное исследование гарантировало, что они полны благоговения, восторга и восхищения председателем. Все они – потомки нищих крестьян,

все из семей, обязанных своим благосостоянием коммунистической партии. Мао для них – мессия, спаситель. Наложницы Мао никогда не любили его в обычном, житейском смысле слова. Они любили его скорее как своего великого вождя, как учителя и спасителя. Одна из девиц, описывая сексуальную удаль Мао, заметила: “Он велик во всем!”.

В шестьдесят семь лет Мао уже прошел границу возраста, когда сексуальная активность у мужчины затухает. Но именно тогда он стал сторонником даосской сексуальной практики, которая считала, что секс не только удовольствие, он необходим для продления жизни. Наибольшее удовлетворение Мао испытывал, если несколько молодых женщин разделяли с ним постель одновременно.

В начале 60-х годов на первый план все более явно выдвигаются Председатель КНР Лю Шаоци и Генеральный секретарь партии Дэн Сяопин. Большим влиянием пользовался также министр обороны маршал Линь Бяо. По этому поводу американский исследователь Пол Джонсон замечает, что Мао никогда не имел верховной и единоличной власти, подобно Гитлеру или Сталину, другим диктаторам XX века. Причины этого – неподдающиеся решению китайские проблемы, отсутствие современных коммуникаций, а также отсутствие таких масштабных аппаратов террора, как гестапо или НКВД – КГБ. Развивая эту мысль, добавим, что обожествление Мао, нарастающее из десятилетия в десятилетие, полностью компенсировало существующие политические ограничения его всевластия вроде “коллективного руководства”.

Однако Мао Цзэдун не собирался ни с кем делиться полнотой своей власти. Осенью 1962 года он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы вновь выдвинуть лозунг: “Не забывать о классовой борьбе!” Это соответствовало известному сталинскому положению об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Цель та же – расправиться с противниками в партии. Государственный и партийный аппарат понемногу выходит из-под контроля Великого кормчего, однако есть армия, где властвует его верный последователь маршал Линь Бяо. И начинается кампания за превращение армии в “школу идей Мао”.

Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1960 году, когда Военный совет ЦК КПК принял постановление “Об усилении идейно-политической работы в армии”. В нем говорилось:

"Главным содержанием теоретической учебы всех кадровых работников должны стать произведения Мао Цзэдуна. Основным

предметом военного обучения и политической подготовки в воинских частях, академиях и училищах должны стать труды Мао Цзэдуна. Следует целиком перестроить военную и политическую подготовку, изъяв из учебных пособий все разделы, которые не соответствуют идеям Мао Цзэдуна".

На рубеже 50 – 60-х годов стала нарастать напряженность во взаимоотношениях между Китаем и СССР. Во многом это был конфликт двух партий-монстров: КПК и КПСС. С началом политики большого скачка и народных коммун в Китае все чаще критиковали советский опыт. Китайские руководители со злорадством говорили, что "родина Октября" топчется на месте, а мы вырвались вперед и идем к коммунизму. Специалистов из СССР стали критиковать за "техническую отсталость и ретроградство". Китайские лидеры были также недовольны сближением Н.С. Хрущева с США и его политикой разрядки.

В опубликованных к 90-летию со дня рождения В.И. Ленина статьях китайская партийная печать критиковала некоторые положения из декларации совещания коммунистических партий 1957 года, хотя под ней стояла и подпись КПК. Две "братские" партии все чаще начинают обмениваться взаимными обвинениями. Хрущев был всем этим крайне раздражен и в июле 1960 года отозвал всех советских специалистов из Китая.

Существенное значение в обострении взаимоотношений играло и то обстоятельство, что Мао Цзэдун не принял идеи коммунистов из Москвы о мирном сосуществовании. Он считал неизбежной и даже желательной мировую войну. Выступая в Москве в 1957 году, Мао говорил: "Если половина человечества будет уничтожена в ходе войны, то останется еще половина. Зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм".

Притязания Мао Цзэдуна нарастали прямо пропорционально укреплению его влияния и власти. Так, для него стало совершенно очевидным, что "центр мировой революции" переместился в Китай. Следуя примеру своего уже скончавшегося кумира, он в 1960 году делает заметки к учебнику политэкономии и пишет: "В начале XX века центр революции переместился в Россию, родился ленинизм, представляющий собой результат дальнейшего развития марксизма. В середине XX века центр мировой революции переместился в Китай". Эти свои мысли он обставлял весьма своеобразно, сравнивая "революционность" Запада и Востока: "Сейчас у Маркса много дел на Востоке, он не может вернуться на Запад, и поэтому революция у них не может успешно завершиться. Сейчас в политическом отношении Азия более прогрессивна, чем Англия и

Америка, так как азиаты живут намного хуже, чем англичане и американцы. Сейчас именно Восток прогрессивный, а Запад – отсталый. Пройдет несколько десятилетий – наши восточные государства разбогатеют, а жизненный уровень на Западе – понизится, и тогда народ там станет прогрессивным".

Чтобы удержаться у кормила власти, в первой половине 60-х годов Мао и его сподвижники начинают все больше раздувать культ Вождя. Ведущую роль при этом начинают играть массовые политико-идеологические кампании. В мае 1964 года увидело свет первое издание "Цитат из председателя Мао" – маленькая, величиной с ладонь, книга в красном переплете, заполненная афоризмами, извлеченными из речей и трудов Мао Цзэдуна. Страна занялась "политической учебой". Люди читали цитатник Великого кормчего, заучивали его мысли и лозунги.

Между тем внутриполитическая обстановка становилась все более угрожающей для Мао. Лю Шаоци и Дэн Сяопин все активнее выходили на первый план. Однако интриги и политические хитросплетения, которыми отличался "высший эшелон" КПК, приучили Мао к актерству. Он умело скрывал свое стремление к абсолютной власти и готовил новую политико-идеологическую кампанию.

4. Смута

Один из самых почитаемых Мао великих исторических личностей Наполеон Бонапарт как-то сказал: “Китай – дремлющий лев. Проснувшись, он потрясет мир”. Таким потрясением стала “культурная революция”, которая ввергла в хаос всю страну. Под знаком этой кампании, в ходе которой окончательно утвердилась модель “казарменного социализма”, прошло последнее десятилетие правления Мао Цзэдуна.

"Мао никогда не сомневался, что его роль в истории Китая будет выдающейся, – свидетельствует личный врач Председателя Ли Чжисуй. – Он был великим вождем и правителем, человеком, которому предназначено судьбой вернуть Китаю былую славу и величие. Мао был уверен, что весь Китай принадлежит ему и он может экспериментировать со страной, как ему вздумается. Он был непримирим и жесток по отношению к своим противникам, а жизнь его подданных не представляла для него никакой ценности”. Мао всегда сочетал пренебрежение к массам с тезисом, что “историю творит народ”.

К осени 1965 года наступила кульминация скрытой борьбы за власть. Лю Шаоци и Дэн Сяопин укрепляли свое влияние в партии и в системе органов госбезопасности. Мао и его сподвижники стремились поставить под полный контроль армию. Сопоставляя “культурную революцию” в Китае и “большой террор” в Советском Союзе, можно заметить, что у нас не было такого мощного противодействия Сталину на верхах власти, как Мао в Китае. Ведь здесь второй человек в партийно-государственной иерархии Лю Шаоци и генеральный секретарь партии Дэн Сяопин составили прямую оппозицию курсу вождя.

Главной ударной силой Мао и его соратников стали отряды хунвэйбинов (“красногвардейцев”) и цзяофаней (“бунтарей”). Это о них пел когда-то Владимир Высоцкий: “Возле города Пекина ходят-бродят хунвэйбины, и старинные картины ищут-рыщут хунвэйбины”. Ставка была сделана на молодых, слепо преданных Председателю. Они особенно нетерпеливы и нетерпимы ко всему отжившему. К этому времени духовно-нравственная атмосфера в стране претерпела большую трансформацию. Расцвел во всю мощь культ вождя. Был сформирован образ врага – внешнего (Советский Союз) и внутреннего (“черные ревизионисты, идущие по капиталистическому пути”).

Молодые росли в условиях невиданного прославления Великого кормчего, фанатичного преклонения перед ним.

С раннего возраста их воспитывали в духе воинствующего

национализма В то время один из самых популярных фильмов был “Красный короб”. Герой фильма, напоминающий некрасивого коробейника, торгует товарами, посещая села. При этом он почти непрерывно цитирует Мао. Согласно фильму, все хорошие поступки героя обусловлены идеями Мао. Крестьяне в селах, которые посещает “коробейник”, славят “счастливую эпоху председателя Мао”. А. Н. Желоховцев, находившийся в это время в Китае на стажировке, рассказывает о своем посещении концерта студенческой художественной самодеятельности. Большой хор исполнил песню о Мао. Затем последовала хореографическая сценка о войне вьетнамцем с американцами. После этого хор вместе с танцевальной группой снова славил Вождя. “Хор приводил всех в экстаз, – пишет Желоховцев, – наэлектризованность на сцене достигала немыслимого накала. Мне стало душно в возбужденном всеобщим поклонением зале. Это было чем-то сродни языческому культовому исступлению”, Формально “культурная революция” началась серией критических кампаний в сфере искусства и литературы. Затем в мае 1966 года на расширенном заседании Политбюро принимается “Сообщение ЦК КПК от 16 мая”, в котором излагались идеи Мао Цзэдуна по поводу “культурный революции”. На этом же заседании подверглись критике и затем были отправлены в отставку несколько высокопоставленных партийных, государственных и военных деятелей. Вскоре была создана Группа по делам культурной революции при ЦК КПК во главе с Чэнь Бода. Заместителями его стали супруга вождя Цзян Цин и секретарь Шанхайского горкома партии Чжан Чуньцяо, а секретарь ЦК партии Кан Шэн, курировавший органы госбезопасности, был назначен советником группы.

18 мая на том же расширенном заседании политбюро с большой речью выступил министр обороны маршал Линь Бяо, давно уже раздувавший столь энергично культ Председателя в армии и стране, что это вызывало неприятие даже самого Мао. Тот говорил доктору Ли: “Я не верю, что несколько брошюр, которые я написал, так волшебны и мощны, как он говорит. Но после того, как Линь начал преувеличивать, вся партия и нация в целом последовали его примеру”.

Выступая 18 мая. Линь Бяо заявил, что главной задачей является предотвращение контрреволюционного государственного переворота и захвата политической власти ревизионистами. Он напомнил, что история переворотов в Китае весьма обширна. “Если мы не будем достаточно бдительными, то потеряем политическую власть”. Линь Бяо предупредил о том, что личных устных заявлений о преданности Председателю Мао уже

недостаточно: “Есть и такие, кто под знаменем марксизма и идей Мао Цзэдуна борется против знамени марксизма и против идей Мао Цзэдуна".

В этом же большом выступлении Линь Бяо всячески превозносил гениальность Мао Цзэдуна:

"Председатель Мао пользуется самым большим авторитетом в стране и мире, он наиболее выдающаяся, величайшая личность. Положения, труды и революционный опыт Председателя Мао показали, что это великий пролетарский гений. Отдельные лица не признают гения, но эта позиция не имеет ничего общего с марксизмом. Председатель Мао – гений”.

Застрельщиком “культурной революции” становится учащаяся молодежь. При населении в 800 миллионов Китай имел 90 миллионов детей в начальных школах, 10 миллионов в средних и 600 тысяч в высших учебных заведениях. В конце мая 1966 года семь аспирантов философского факультета столичного университета вывесили дацзыбао – большую настенную прокламацию – в которой критиковались “черные” партком и ректорат. Текст прокламации появился в газете “Жэньминь жибао”. В печати началась шумная кампания подстрекательства учащихся всей страны к таким же действиям. 29 мая в Пекине появились первые хунвэйбины – 12 – 13-летние ученики средних школ с красными повязками на рукаве.

Занятия в школах и вузах были прерваны, чтобы отныне ничто не мешало учащимся осуществлять “культурную революцию”. Профессоров, школьных преподавателей, деятелей культуры, позднее – видных партийных и государственных деятелей начинают выводить на “суд народа” в шутовских колпаках и расправляться с ними. В конце июня 1966 года одна из газет давала такую установку школьникам: “Ученики могут помочь революционизации учителей. В рядах учителей имеется часть пролетарских, революционных, смелых элементов. У большинства учителей пролетарское мировоззрение еще не окончательно заменило буржуазное. Имеется еще и группка нечисти, настроенной против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна. Мы должны под руководством партии, опираясь на левые элементы, имеющиеся среди учителей, в процессе упорной работы постепенно сплотить большинство учителей, до конца обнажать, критиковать, уничтожать всю нечисть”.

Газеты призывали всех “бунтарей” приобщиться к “революционному делу” в столице. Начинается паломничество в Пекин за опытом столичных хунвэйбинов. Хунвэйбины и цзаофани начинают объединяться в батальоны, роты, взводы.

День “красногвардейца” был разбит на две части. Первая – это учеба: заучивание цитат Председателя Мао, а также изучение свежих дацзыбао, которые с утра вывешивались повсюду. Сидя на корточках, стоя в толпе, лежа на тротуаре, хунвэйбины переписывали с этих прокламаций все подряд в свои блокноты и тетради. Во второй половине дня они обычно проходили военную подготовку, для чего из числа военнослужащих было выделено свыше 100 тысяч советников. Из среды хунвэйбинов все чаше стали раздаваться призывы выдать им оружие.

18 августа хунвэйбины устраивают смотр на площади Тяньаньмэнь. Выход Мао на трибуну был подан, словно появление Будды. Председатель надел на рукав повязку хунвэйбина, а стоящая внизу многомиллионная толпа неистовствовала. За спиной Мао находились Лю Шаоци, Дан Сяопин и другие руководители. Им было ясно, что они проиграли и не способны более контролировать ход событий. Осенью 1966 года оба они исчезают с политической сцены.

Хунвэйбины пекинского университета Цинхуа опубликовали в журнале “Хунци” статью, в которой говорилось:

"Тысячи и тысячи положений марксизма в конце концов сводятся к одному: “Бунт – дело правое”. В этом – сама душа идей Мао Цзэдуна. Основным и самым драгоценным качеством революционных пролетариев является отвага. Они должны смело думать, говорить и действовать, чтобы преодолеть все преграды и завершить революцию.

Мы полны решимости бунтовать, и вам ничто не поможет. Вы полагаете, что мы чрезмерно дерзки. Именно такими мы и хотим быть. Председатель Мао говорит: “Тех, кто занимает высокие посты, следует ценить не дороже, чем пыль”. Мы намерены нанести удар не только по реакционерам университета, но и всего мира. Преобразование мира – вот задача революционера”.

Доктор Ли свидетельствует, что к началу 1667 “культурная революция” бушевала уже по всей стране. Партийные и государственные учреждения были парализованы. Промышленное производстве падало. Транспорт разрушался. А Линь Бяо и Цзян Цин призывали мятежников: “Свергните все!”, “Ведите гражданскую войну!” Даже в самих парткомах не было спокойствия – их руководители яростно выступали друг против друга, стремясь захватить власть.

В конце января 1967 года Мао Цзэдун обратился к армии с призывом поддержать хунвэйбинов. По существу, ставился вопрос о вмешательстве армии в политическую жизнь страны. К тому времени армейские кадры давно уже воспитывались в духе личной преданности вождю. Опираясь на поддержку армии,

хунвэйбины во многих местах начинают захватывать власть. В Шанхае отряды хунвэйбинов с помощью армии захватили редакции газет, радио, а затем, после недельной кровопролитный борьбы, – городской комитет партии. Руководил ими младший офицер службы безопасности часового завода Ван Хунвэнь, которому было всего 30 лет. Эту акцию назвали “захватом власти”. Мао Цзэдун одобрил эти действия и призвал всю страну последовать примеру шанхайцев. К осени 1967 года была разрушена практически вся существующая политическая система, репрессированы многие видные партийные, государственные и военные деятели. В стране воцарился хаос. В центре и на местах обострилась борьба. Доходило даже до прямых вооруженных столкновений между военными и хунвэйбинами. Ситуация выходила из-под контроля, и Мао забеспокоился. В целях привлечения на свою сторону кадровых партийных работников и рядовых коммунистов он объявил о намерении возобновить деятельность партии и созвать IX съезд КПК. Была также реорганизована группа по делам культурной революции, из состава которой вывели “леваков”, подстрекавших хунвэйбинов на борьбу с армией. А летом 1968 года с движением хунвэйбинов было покончено. Они выполнили задачу, возложенную на них, и были более не нужны.

Уже в это время отчетливо проявились характерные черты периода “культурной революции”: прославление уравнительного социализма, отторжение принципа оплаты по труду как “буржуазного”; выдвижение на первый план классовой борьбы и идеологического воспитания, а не развития экономики. Все это сопровождалось все более растущим культом Мао, переходящим уже в его обожествление. Доктор Ли пишет:

"По мере подготовки партии к IX съезду даже упоминание о коллективном руководстве стало преступлением, а культ Мао достиг наивысшей точки. Весь Китай носил куртки “под Мао”, его “малую красную книгу” и повторял цитаты из его высказываний. Даже самая простая сделка в магазине включала цитату из Мао. Его портреты были повсюду. Десятки миллионов людей по всей стране начинали день, отбивая поклоны портрету Мао и спрашивая у него указания. А вечером люди снова кланялись, сообщая Мае обо всех событиях и признаваясь в своих ошибках. Каждый рабочий день начинался и заканчивался коллективными повторениями афоризмов Мао. Они стали не только руководящей идеологией, но и коллективным заклинанием”.

В апреле 1969 года состоялся IX съезд КПК. С политическим отчетом выступил маршал Линь Бяо, выдвинувший тезис о том, что идеи Мао Цзэдуна являются новым, высшим этапом развития

марксизма-ленинизма. В этом докладе и новом уставе КПК, принятом на съезде, вся история партии связывалась с деятельность только одного человека – Мао Цзэдуна. Устав провозглашал Мао “вождем партии”, а преданность ему – законом внутриполитической жизни. В шестом параграфе устава говорилось, что “товарищ Линь Бяо неизменно высоко держит великое знамя идей Мао Цзэдуна и исключительно преданно и решительно проводит и защищает пролетарский революционный курс товарища Мао Цзэдуна” и что Линь Бяо является “ближайшим соратником и наследником” Мао.

Так Линь Бяо стал официальным преемником Великого кормчего. После съезда вокруг него развернулась шумная пропагандистская кампания. Все чаще портрет Линя в зеленой военной форме и надвинутой на глаза фуражке стал появляться рядом с портретами вождя. Он стал заместителем председателя ЦК КПК и вместе с Чжоу Эньлаем, Кан Шэном, Яо Вэньюанем и Чжан Чуньцяо вошел в состав “ближнего круга” Мао Цзэдуна. Съезд полностью оправдал и узаконил разгром в ходе “культурной революции” руководящих органов партии и государственной власти. В итоге в политической жизни Китая сложилась совершенно новая обстановка.

5. Десять тысяч лет жизни Председателю Мао!

Превратившись в Китае в божество, Мао Цзэдун и для многих радикально настроенных европейцев и американцев постепенно становился символом истинного революционера и преобразователя мира. Исследователь из США Пол Джонсон свидетельствует, что люди, посещавшие Китай в 60 – начале 70-х годов, возвращались оттуда горячими поклонниками коммунизма маоистского типа. Один из них писал, что Китай – это "разновидность благодатной монархии, которая управляется императором-жрецом, завоевавшим абсолютную преданность своих подданных". Восхищались высоким уровнем морали, тем, что правительственные сборщики налогов стали "неподкупными". Все это поразительно напоминало восхваления, рассыпаемые некоторыми зарубежными визитерами в адрес другого диктатора, Сталина, в то время, когда в Советском Союзе осуществлялась принудительная коллективизация и правил бал "большой террор".

Мао Цзэдун своей политикой духовно закрепостил китайцев, отнял у них чувство достоинства и чести. Люди стали винтиками в руках Великого кормчего. Отныне знаком верности и послушания вождю стали красные цитатники, изготовленные в количестве пяти миллиардов штук. Доктор Ли Чжисуй в своей книге пишет:

"После хрущевской атаки на Сталина китайский вождь стал панически бояться, что его тоже обвинят в навязывании массам культа своей личности. Великому китайскому народу, считал Мао, необходим великий вождь, созерцание которого должно вдохновлять жителей Поднебесной на новые трудовые подвиги. Однако при этом нужно было создать иллюзию, что массы сами вознесли Мао на трон. Тогда его власть над страной стала бы несокрушимой и никто даже заикнуться не посмел бы о каком-то там культе".

Как всякий восточный диктатор. Великий кормчий делал из политики театр. Декорациями был китайский народ, в основной своей массе оболваненный и искренне верящий, что он должен следовать указаниям вождя. Лишь Мао знает верный путь! Лишь вождь знает, что следует делать! Помпезные церемонии китайских императоров, преобразованные им на свой лад, отныне определяли жизнь, труд и быт рядовых китайцев. Массы встречали вождя ритуальным песнопением "Десять тысяч лет

жизни Председателю Мао!"

Культ Мао отождествлялся с культом Солнца. Вся страна пела гимн “Алеет Восток”:

С Красного Востока восходит солнце.
В Китае появился Мао Цзэдун.

На многомиллионных манифестациях хунвэйбины фанатично скандировали лозунги Мао, а маршал Линь Бяо умело ими дирижировал: “Сломим стоящих у власти агентов капитализма! Сломим реакционно-буржуазные органы власти! Выгоним всех дьяволов и злых духов! Избавимся от четырех предрассудков: старого мышления, старой культуры, старых обычаев и старых навыков. Идеи Мао должны руководить вашим духом и преобразить его, а сила духа преобразит материю!"

В “Пояснительной записке” к изданной летом 1967 года карте Пекина говорилось: “Пекин – это центр мировой революции. Пекин – это город, где живет наш самый-самый-самый любимый и уважаемый великий вождь Председатель Мао. И днем и ночью народ всей нашей страны и революционные народы всего мира смотрят на Пекин, думают о самом-самом красном солнце”.

Воля вождя изображалась как воля всего народа, и ей должны были следовать все. Старейший китайский писатель Ба Цзинь позднее вспоминал, что был рабом не только телом, но и душой, всегда готовым на самоунижение. Еще до “культурной революции” его приучили к тому, что долг человека состоит в перестройке своего сознания. Чтобы стать новым человеком, он должен был вытравить из себя все человеческое. Он голосовал, одобрял или проклинал вместе со всеми, потому что этого требовала партия, выступавшая от имени народа Мао вверг народ в нищету, однако никто вину за свои беды на него не возлагал. Ли Чжисуй свидетельствует: “Несмотря на ухудшение экономического положения в стране, любовь китайского народа к “великому кормчему” продолжала расти. В нехватке продовольствия народ обвинял не Мао, а местное партийное руководство. Позже мне рассказывали о множестве случаев, когда последним желанием умирающих от голода крестьян было желание взглянуть на портрет любимого вождя. Все верили, что председатель Мао приведет Китай к процветанию и что его идеи не могут быть ошибочными”.

В своей политической деятельности Мао Цзэдун нередко использовал исторические сведения для конструирования своих идей и постулатов. Лозунг “Древность на службе современности” опирался на традиционные представления о превосходстве

китайской культуры. При этом Мао собирался преобразовать Китай и сделать его богатым и могущественным как в древности. “В историческом прошлом он находил ответы на многие вопросы. Из жизни древних императоров он узнавал, как править страной, как манипулировать народом и своими противниками, как бороться против заговоров и внешних врагов”. В самом культе Мао Цзэдуна нашли свое преломление традиции культа императоров.

При Мао начинает действовать ориентация на толпу, толпа требует не идей, а лозунгов, не логики, а обещаний, не призывов к размышлению, а угадывания ее настроения. Воздействуя на широкие слои малограмотного и невежественного населения, живущего представлениями традиционного патриархального мира, пропагандистско-идеологическая машина стремилась довести эмоциональное напряжение человека до такой степени, чтобы эмоции мешали аналитическому мышлению. Главное – заставить людей действовать по велению чувств, а не разума. “Есть ли у европейцев и был ли у древних людей таком великий человек, как председатель Мао? – ораторствовал маршал Линь Бяо. – У кого еще есть такие зрелые идеи? Такие гении, как председатель Мао, появляются на свете один раз в несколько сот лет, а в Китае – один раз в несколько тысяч лет. Председатель Мао – величайший гений в мире. Председатель Мао тысячи раз мудр, десять тысяч раз мудр. Идеи Мао Цзэдуна тысячу раз правильны, десять тысяч раз правильны”. Повсюду повторяли цитаты из красных книжечек, и они теряли реальный смысл, превращаясь в заклинание и догму.

Между тем склоки в высших эшелонах власти продолжались. Уже вскоре после IX съезда партии, когда Китай готовился к войне с северным соседом, а Мао начинал переговоры с Соединенными Штатами, наметились первые разногласия между Председателем и его “верным оруженосцем”. Мао никогда и никому полностью не доверял. Вот и теперь его начинает беспокоить быстрый рост влияния Линь Бяо и в целом армии. После ссылки хунвэйбинов в село на “трудовое перевоспитание” и пограничных конфликтов с Советским Союзом армия начиняет занимать ведущие позиции в руководстве страной. На IX съезде партии военные составили большинство нового ЦК. Самую значительную группу в нем составили высшие офицеры бывшей 4-й армии Линь Бяо, занимающие наиболее важные позиции в вооруженных силах Китая.

Разногласия между Мао и его “наследником” обострились на пленуме ЦК партии в Лушани в августе-сентябре 1970 года. Обсуждался проект новой конституции страны. Мао Цзэдун

предложил упразднить должность председателя КНР. Однако Линь Бяо и Чэнь Бода настаивали на сохранении этого поста. Линь Бяо заявил, что Мао должен вновь занять его. Он полагал, что Мао откажется и тогда изберут его. Однако Мао не устраивало наличие двух председателей в Китае. Подобное поведение маршала Председатель квалифицировал как "внезапный удар". Видимо, Мао понял, что Линь Бяо превратился в "особый штаб", как до него Пэн Дэхуай и Лю Шаоци, и сделал соответствующие выводы.

Вскоре исчезает с политической сцены ближайший сподвижник маршала Чэнь Бода. Однако со всемогущим маршалом справиться было не просто. Поэтому Мао Цзэдун стал выжидать удобного момента, одновременно лишая Линь Бяо опоры в столице. Верные ему высшие офицеры из Пекинского военного округа получают направления в другие места службы. С ноября 1970 года по всей стране начинается реорганизация партийных комитетов в целях освобождения их от влияния военных. В конце года, беседуя с американским журналистом Эдгаром Сноу, Мао заявил, что в Китае есть люди, которые кричат "Сто лет жизни Мао!", но в действительности желают ему смерти. Имен он не назвал, но многим было ясно, что имелся в виду Линь Бяо.

Позднее стало известно, что с марта 1971 года сын Линь Бяо – Линь Лиго, один из руководителей военно-воздушных сил Китая, начал подготовку заговора с целью убийства Мао. Вместе со своими соратниками он разработал проект 571, в котором Мао Цзэдун характеризовался как "крупнейший феодальный деспот в истории Китая", который в "марксистско-ленинском обличье применяет законы Цинь Шихуанди". В осуществлении путча заговорщики рассчитывали на поддержку со стороны Советского Союза. Известно, что длительное время, вплоть до конца 50-х годов. Линь Бяо поддерживал тесные отношения с советскими военными. В конце 30-х годов он учился в Советском Союзе. Во время Корейской войны, когда Линь Бяо командовал китайскими добровольцами, он постоянно взаимодействовал с советниками из СССР.

Однако Мао Цзэдун узнал о планах путчистов. В их стане оказалась изменница – дочь маршала по имени Линь Доудоу, которая выдала их планы службе госбезопасности. Тогда Линь Бяо и его близкие решают бежать на самолете "Трайдент", который находился в личном распоряжении министра обороны. На территории Монголии самолет, направлявшийся в Советский Союз, потерпел катастрофу и все, находящиеся на его борту, погибли. Впрочем, это изложение официальной версии. Как все

происходило на самом деле, до сих пор в точности неизвестно. Однако эти события, получившие название “сентябрьский кризис”, вновь подтвердили политическое неблагополучие в Китае.

Измена ближайшего соратника и попытка путча сильно повлияли на Мао Цзэдуна, здоровье которого после этих событий стало быстро ухудшаться. Когда в ноябре 1971 года, спустя два месяца после исчезновения Линь Бяо, китайцы вновь увидели Председателя в телерепортаже о встрече с премьером Северного Вьетнама, они были потрясены. Мао заметно постарел и ходил неуверенно, словно тяжело больной человек.

Вскоре началась реабилитация жертв “культурной революции”. В феврале 1973 года возвращается Дэн Сяопин. Мао вновь понадобились его организаторские способности, ведь теперь речь шла о созидании, а не о разрушении. Обстановка в стране была сложной. Все более откровенно рвались к власти радикалы во главе с супругой Великого кормчего Цзян Цин. Им противостояла группа Чжоу Эньлая, прагматика, делавшего упор на экономическое строительство, который всегда отличался огромной работоспособностью. Однако в 1972 году, накануне приезда в Китай американского президента Ричарда Никсона, врачи обнаружили у Чжоу Эньлая раковую опухоль. К 1974 году состояние его заметно ухудшилось, хотя премьер продолжал работать.

Прагматическому курсу Чжоу Эньлая – Дэн Сяопина противостояла фракция радикалов: пользовавшаяся огромным влиянием Цзян Цин; шанхаец Чжан Чуньцяо, по некоторым данным, ее любовник; Яо Вэньюань – публицист и идеолог, зять Мао; Ван Хунвэнь – правая рука Чжана, умелый организатор, но довольно невежественный человек. Позиции радикалов заметно окрепли после X съезда КПК, состоявшегося в августе 1973 года.

Это был последний съезд при жизни Мао Цзэдуна. Делегаты единодушно осудили Линь Бяо и Чэнь Бода и признали правильной линию на продолжение “культурной революции”. Ван Хунвэнь был избран заместителем председателя ЦК КПК. В своем докладе он говорил, что в партии всегда обостряется борьба между двумя классами и двумя путями, что “правые” могут реставрировать власть, поэтому время от времени, каждые 8-10 лет, необходимы новые “культурные революции”.

Между тем Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин занимаются практической работой. На свои места возвращены многие из прежних хозяйственных и партийных руководителей. Правительство призывает восстановить наконец-то порядок. Однако средства массовой информации полностью

контролируются радикалами. На первое место ставится политика и идеология. Власть на местах находится в руках выдвиженцев “культурной революции”, совершенно не разбирающихся в экономике. С течением времени все больше намечается конфронтация между двумя группировками в высших эшелонах власти: радикалами во главе с Цзян Цин и прагматиками, возглавляемыми Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином.

8 января 1976 года умирает Чжоу Эньлай. Позиции прагматиков были существенно ослаблены с его уходом. Тяжело больной Мао Цзэдун уже практически ни во что не вмешивается, ограничиваясь время от времени записками-распоряжениями, поскольку речь его была уже совершенно нечленораздельна. Атаки радикалов на Дэн Сяопина усиливаются. В противовес ему возвышается Хуа Гофэн – министр общественной безопасности и заместитель премьера Госсовета. Усилия радикалов в конце концов увенчались успехом.

4 апреля 1976 года в Китае отмечали день поминовения усопших. Неожиданно для многих в центре площади Тяньаньмэнь возле обелиска героям было возложено много венков в память недавно скончавшегося Чжоу Эньлая. К вечеру того же дня на площади собрались несколько сотен тысяч человек. Зазвучали стихи, в которых славились Чжоу Эньлай и Ян Каихуэй – первая жена Мао Цзэдуна. Тем самым люди выражали неприязнь к Цзян Цин, нынешней супруге Председателя. Раздавались призывы к борьбе против тех, кто предает забвению память о Чжоу Эньлае и искажает его наследие.

Так у радикалов появился удачный повод для смещения неугодного Дэн Сяопина. Собралось срочное заседание политбюро. С Мао Цзэдуном связь поддерживалась через его племянника Мао Юаньсиня. На политбюро вина за это “контрреволюционное выступление” была возложена на Дэн Сяопина. Было предложено лишить его всех постов, что Мао одобрил. Однако за Дэна заступился министр обороны маршал Е Цзяньин, заявив, что уйдет в отставку, если того исключат из партии. Так Дэн Сяопин остался в партии, хотя и был сослан.

9 сентября 1976 года умер Мао Цзэдун. Заканчивалась целая эпоха в истории Китая. Личный врач Председателя Ли Чжисуй пишет в своей книге: “В первые годы я восхищался Мао. Он спас Китай от японского владычества и походил на божьего посланника. Но за годы “культурной революции” мои мечты о новом Китае, свободном от угнетения и неравенства, развеялись в прах. Я перестал верить в идеи коммунизма, хотя и был членом КПК. Глядя, как электрокардиограмма чертит прямую линию сердечного ритма “великого кормчего”, я ощущал конец целой

эпохи и понимал, что звезда Мао погасла навсегда".

Политбюро постановило забальзамировать тело Мао и поместить его в специально сооруженный мавзолей. Когда об этом сообщили доктору Ли, тот пришел в отчаяние: "Вы же должны понять, что даже железо и сталь со временем разрушаются. Что же говорить о теле умершего человека. Как предотвратить его разложение?" Доктор вспомнил о своей поездке в 1957 году в Москву и посещении мавзолея Ленина-Сталина. Их тела напоминала высохшие мумии. Доктору рассказали, что нос и уши Ленина совершенно испортились и их пришлось заменить восковыми копиями. У Сталина же полностью отвалились его знаменитые усы. И это несмотря на то, что техника бальзамирования в Советском Союзе была гораздо совершенней, чем в Китае. Сомнения в успешном бальзамировании были так велики, что изготовили даже восковую копию покойного, чтобы поместить ее в мавзолей.

Несмотря на некоторые сомнения, бригада врачей все же пришла к выводу, что сохранить тело вождя удастся. Было решено оставить мозг Мао на месте, однако все внутренности удалить, а в стеклянный гроб, в котором будет покоиться забальзамированное тело, закачать гелий. После окончания недели траура 19 сентября состоялся митинг памяти Мао. На площади Тяньаньмэнь собрались более полумиллиона человек. Ровно в 3 часа дня весь Китай замер. На 3 минуты остановились фабрики и заводы. Гражданскую панихиду открыл Ван Хунвэнь. Ближайшие соратники покойного вождя стояли вместе, но это было кажущееся единство. Уже вскоре вновь обострилась внутриполитическая борьба.

Годы диктатуры привели к тому, что для наследования "трона" хватило бы соответствующего указания Мао Цзэдуна. Ничего более легитимного попросту не могло быть. Поэтому и Хуа Гофэн, располагающий запиской Мао "Когда ты у власти, я спокоен", и Цзян Цин, законная супруга усопшего вождя, претендовали на власть. Вопрос стоял остро – кто кого?! При жизни Мао его жена, несмотря на свой вздорный характер и неуживчивость, пользовалась большим авторитетом и даже уважением. Доктор Ли Чжисуй свидетельствует, что когда она приходила на заседание политбюро, все вставали и в зале воцарялась тишина. Ей предлагали самое лучшее место, ловили каждое ее слово. Но уже на первым заседании политбюро после смерти Мао уважения как не бывало. Когда она вошла, никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Когда Цзян Цин брала слово, ее никто не слушал. Обстановка в политбюро резко изменилась. К слову сказать, из его мемуаров мы узнаем, что у

Цзян Цин на правой ноге было шесть пальцев – существенный психологический нюанс, позволяющий многое объяснить в ее поведении с точки зрения комплекса неполноценности.

Цзян Цин ощущала, как в политбюро нарастала к ней вражда. Она с возмущением говорила Хуа Гофэну: “Еще не успело остыть тело Председателя Мао, а Вы уже хотите вышвырнуть меня? Это так Вы благодарите Председателя за то, что он Вас выдвинул?” Хуа Гофэн на это отвечал:

"Таких намерений у меня нет. Живите мирно у себя в доме. Вас никто не собирается выбрасывать оттуда”. Однако вдова, явно переоценивая свои силы и возможности, не последовала этому достаточно прозрачно выраженному совету. А может быть, она уже не могла остановиться в своем стремлении к власти?!

Ее соратники деятельно готовятся к возможным столкновениям. Но Хуа Гофэн, маршал Е Цзяньин и глава службы безопасности политбюро Ван Дунсина внимательно следили за действиями радикалов. Наконец, они приняли решение арестовать четверку вечером 6 октября. Акция была осуществлена спецназовцами Ван Дунсина и прошла без инцидентов.

6. “Изгнание духов”

Минуло уже более двух десятилетий после смерти Великого кормчего. Однако по-прежнему его монументальная фигура остается доминирующей в культурном пространстве и массовом сознании. Живой бог и диктатор, революционер и поэт, философ и тиран – он живет в памяти сотен миллионов китайцев. Мысли его и сегодня нередко цитируются в повседневной жизни. В чем-то это ностальгия по тем славным временам эпохи Великого Мао – временам возвышенных целей и революционных страстей, когда раздираемая полувековой бойней страна была наконец объединена. По словам нынешнего китайского лидера Цзян Цзэминя, даже ошибки Мао “были ошибками великого революционера и великого марксиста”.

Вторая половина 90-х годов – сложное и болезненное время для Китая. После смерти Дэн Сяопина участились пессимистические прогнозы, предрекающие экономический крах, политический раскол и дезинтеграцию Китая в начале следующего тысячелетия. С развитием “рыночного социализма”, ростом экономической свободы и периодическими всплесками “движения за демократию” центральная власть постепенно слабеет и теряет возможность влиять на реальное положение в стране. Многие политологи предсказывают, что, если Китай не разорвут, как Югославию, этнические распри, или, как СССР, политические амбиции, то к этому результату могут привести противоречия между набирающими экономическую мощь региональными элитами.

Всякая модернизационная трансформация – это не только экономическое развитие, но и структурная перестройка всего общественного организма страны и изменение человека. Меняются психология личности, образ жизни и мыслей, социальные ориентации, система ценностей. Подобные изменения, тем более в такой огромной стране, как Китай, никогда не происходят быстро и безболезненно. Вся история этой страны свидетельствует, что периоды стабильного консерватизма всегда сопровождались здесь усилением центральной власти. Но как только начиналась модернизация и приходили в движение огромные массы народа, власть теряла способность управлять страной и начиналось “смутное время”.

Сложности и противоречия модернизации вызывают рост тоски по прошлому, по “славным временам Мао Цзэдуна”. Когда в обществе нарастает коррупция, а богатство и роскошь выставляются напоказ, простые китайцы вспоминают Мао,

жившего якобы в простоте и непритязательности. Когда в стране начался голод после “большого скачка”, Мао отказался от мясной пиши. В современной частушке поется:

Сын Мао Цзэдуна погиб молодым,
Он пал в неравном бою.
Чжоу Эньлай не имел детей,
Отдал народу он жизнь свою.
Сын Дэн Сяопина – большой бизнесмен,
В боях за мошну хоть кого удавит.
Сын Чжао Цзыяна нажил капитал
На перепродаже цветных ТиВи.

Последний акт “изгнания злых духов” начался в ноябре 1980 года, когда открылся судебный процесс над “бандой четырех”. Реформаторы предполагали, что это будет последний гвоздь в крышку гроба Мао и его наследия. Официальное обвинение было выдвинуто против шести видных радикалов, десять из них находились на скамье подсудимых: “четверка” во главе с Цзян Цин, Чэнь Бода – бывший личный секретарь Мао и идеолог “культурной революции”, а также пятеро бывших военачальников, сторонников Линь Бяо. Остальные обвинялись посмертно.

Страна прильнула к телевизорам, и перед китайцами вновь вставали ужасы “культурной революции”. Подсудимые вели себя так, словно они заблуждались, находясь под гипнозом Мао Цзэдуна. Только Цзян Цин, ни на йоту не признавая себя виновной, вела себя вызывающе, выкрикивая давно заезженные лозунги. Особый акцент делался на “контрреволюционных действиях” обвиняемых, направленных непосредственно против Дэн Сяопина. В итоге Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, отказавшиеся признать себя виновными, были приговорены к смертной казни с отсрочкой исполнения на два года, а Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань – к пожизненному лишению свободы. Впрочем, не прошло и два-три года, а в Китае уже мало кто вспоминал об этих некогда всемогущих людях, ставших неожиданно для себя в одночасье “бандой четырех”.

Одновременно с судебным процессом начинается идеологический “натиск” на Мао Цзэдуна и его идейно-теоретическое наследие. Уже летом 1979 года один из ближайших сподвижников Дэн Сяопина маршал Е Цзяньин сообщил, что готовится решение об оценке роли Мао Цзэдуна в истории партии и страны. В истории китайской компартии вряд ли найдется другой документ, разработка и принятие которого сопровождались бы столь острой дискуссией и являлись бы столь

болезненными. Работа над “Решением по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР” началась тогда же, летом 1979 года, однако шла медленно и непросто. Тогда реформаторы решили ее ускорить, инициировав судебный процесс над “бандой четырех”. Проект перерабатывали шесть раз, наиболее важные и сложные вопросы обсуждали на многочисленных совещаниях. Уже в своем первом выступлении на обсуждении “Решения” в мае 1980 года Дэн Сяопин прежде всего обратил внимание на необходимость исторического подхода в политическом анализе.

Для самого Дэн Сяопина оценка роли Мао – это в первую очередь вопрос политический. При этом напрашивается немало аналогий с трудным и болезненным процессом переоценки личности Сталина в Советском Союзе и странах Восточной Европы, который сопровождался огромными нравственно-политическими потрясениями. При этом КПСС и другие компартии, переоценивая Сталина, возвращались к личности Ленина. А к кому было возвращаться компартии Китая при переоценке практической и теоретической деятельности Мао Цзэдуна?! Ведь для китайских коммунистов он был одновременно и Лениным и Сталиным! Вся политика компартии для китайского народа олицетворялась в первую очередь решениями, директивами, идеями и лозунгами Мао Цзэдуна. Дэн это прекрасно понимал. Выступая в октябре 1980 года на совещании в ЦК партии он говорил:

– Если обойти молчанием идеи Мао Цзэдуна или не правильно оценить заслуги и ошибки товарища Мао Цзэдуна, то с этим не согласятся старые рабочие, а также бедняки и низшие середняки, прошедшие через аграрную реформу, и тесно связанные с ними многочисленные кадровые работники. Знамя идей Мао Цзэдуна ни в коем случае нельзя отбрасывать, ибо это будет означать отрицание славной истории нашей партии. Все наши успехи неотделимы от руководства Коммунистической партии Китая и товарища Мао Цзэдуна.

Самому суровому осуждению была подвергнута в “Решении” “великая пролетарская культурная революция”, которая на самом деле никакой революцией или прогрессивным общественным движением не была и не могла быть. Однако Мао при этом одновременно выступает и как “главное ответственное лицо”, и как трагический герой. “Решение” констатировало, что ошибки Мао – это ошибки, допущенные “великим пролетарским революционером ”.

Однако, несмотря на столь четкие официальные установки, спущенные партийным руководством сверху, единства в оценке

“культурной революции” и самой личности Великого кормчего не было и быть не могло. В 80 – 90-е годы споры в обществе продолжались. Одни утверждали, что идеи и задумки Мао по поводу “культурной революции” были верны – надо было предотвратить сползание Китая на путь капитализма. То была борьба против партийных бюрократов. Но все дело погубило неудовлетворительное исполнение и откровенный саботаж на местах. Другие полагают, что “культурная революция” отразила возмущение деспотической властью КПК, ее беспощадной диктатурой. По мнению третьих, “культурная революция” представляла собой народное восстание против коммунистической диктатуры. Но почему тогда этот удар был направлен против коррумпированных партийных бюрократов, а не против самого вождя, ведь он стоял во главе партии? Сторонники этой точки зрения объясняют подобное поведение масс их политической незрелостью, в силу чего они поддались обманчивым лозунгам Мао Цзэдуна.

В соответствии с “Решением” идеи Мао Цзэдуна – это сплав марксизма-ленинизма с конкретным опытом китайской революции, выработанным в полемике с Коминтерном в конце 20-х – начале 30-х годов. Документ суммировал “живую душу идей Мао Цзэдуна”: “истину следует искать в фактах”; линия масс, независимость, – и подчеркивал, что не следует отрицать научную ценность и руководящую роль идей только на том основании, что Мао Цзэдун допускал в последние годы жизни ошибки.

Принципиальные положения этого документа и высказывания Дэн Сяопина определили отношение к Мао на официальном уровне. Все материалы обычно были выдержаны в духе тезиса Дэна: “Мы не можем допускать чрезмерной критики ошибок товарища Мао. Поступать так и пытаться очернить товарища Мао – значит пытаться очернить нашу партию и наше государство”. На повседневном уровне принципиальных изменений в отношении к Мао Цзэдуну также не произошло. Для сотен миллионов китайцев Мао – это национальный герой, объединивший страну. Его ставят вровень с великими императорами и почитают как полубога. “При Мао был порядок!” – говорит пожилой китаец, вспоминая о стабильных ценах и равенстве, вплоть до одежды. Молодой парень-безработный с горечью роняет: “Когда называют имя Мао, я всегда вспоминаю его выщербленную миску для риса и вижу шикарные “мерседесы”, на которых разъезжают сегодня наши чиновники”.

В декабре 1993 года в Китае отмечали 100-летие со дня рождения Великого кормчего. Накануне юбилея сотрудники

одного из научно-исследовательских институтов с помощью ЭВМ проанализировали труды и выступления Мао Цзэдуна. Выяснилось, что чаще всех (913 раз) он упоминал Карла Маркса, затем – Ленина (613 раз). Что касается лексики, то самые распространенные в устах Мао слова: “революция”, “класс”, “война”, “диктатура”, “политика”. Самыми знаменитыми политическими лозунгами Мао были такие, как “опираться на собственные силы”, “извлекать уроки из прошлого в назидание на будущее”, “бунт – дело правое”, “винтовка рождает власть” Юбилей Мао Цзэдуна вызвал новый всплеск национальной гордости у многих китайцев. С восторгом писали о том, что флер загадочности и непредсказуемости Председателя Мао часто смущал зарубежных лидеров. Сердца простых китайцев чаще бились от гордости за свою страну, когда они вспоминали о пренебрежительном отношении Великого Кормчего к заграница и о его гегемонистских замашках.

Однако жизненная трагедия Мао Цзэдуна в том, что вся последующая история и день сегодняшний отрицают его социальный эксперимент как аномалию. Великий кормчий хотел указать путь всему человечеству, но в итоге оказался на обочине истории. Впрочем, кто знает, что будет завтра?!

notes

Notes